

- [Гребенщиков Борис , 'Аквариум'](#)

-

Гребенщиков Борис , 'Аквариум' Иван и Данило

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ

ИВАН и ДАНИЛО

1

Стоит в лесу дом. Живут в доме Иван Семипалатинский и Данило Перекати-Поле. Иван рубит дрова да правит печь; Данило за добытчика. Как сядет зимой солнце, так хрусть-хрусть шаги по снегу, да ветки трещат. Иван в окошко выглядывает - и верно: бредет в сумерках между елей Данило с мешком на спине. "Ну, брат Иван, топи печь, смотреть будем - что Бог послал". - "А и так уж, Данилушко, горяча, знай себе - брык на лавку да хлебай шти". А после садится прямо на пол, мешок посередине, и начинает тягать.

"Вот, брат Иван, полезная вещь перепелка".

"Вижу, Данилушко".

"А вот, к примеру, хлеба буханка".

"И то правда, Данилушко".

"А вот тебе спичек заначка да папирос пачка".

Так и сидят до вечера. А мешок большой, в два горба.

"А это, брат, подзорная труба".

Выйдут на крылечко, наставят трубу в небо и смотрят в свое удовольствие.

"Никак, Данилушко, спутник летит?"

"Не спутник, брат, а пришельцы на тарелке".

"А пришельцы, так и хорошо, что пришельцы".

Зайдут опять в избу.

"А это неужто, Данилушко, грамофонт?"

"Он самый, брат Иван."

Заведут грамофон, за руки возьмутся и пляшут, как дети малые. Напляшутся так, что стол своротят; садятся чай пить да разговоры разговаривать. Напьются каждый по ведру, выйдут напоследок на снежок, вокруг избы обойдут. В лесу тихохонько, только филин пролетит, ветку крылом заденет.

"Ну, Данилушко, спокойной тебе ночи".

"И тебе, Ваня".

Лягут - один на печку, другой на лавку.

"Премудрый Соломон, приснишь прекрасный сон".

И тихо в доме.

Это зимой. Летом другой коленкор. Не спится в доме, сидят оба на крылечке.

"Сказывал кум Родион, что хозяин в лесу балует".

"Истинно правда, Данилушко. Да вон и сам послушай..."

Сидят, слушают. А в лесу то прутик треснет, то кустик хрустнет. Хмыкает кто-то; то далеко - жалобно так, то близехонько - как бы со строгостью.

"А может, Ваня, то лось гуляет?"

"Да нет, Данилушко, лось коровой мычит. А хозяин - он и есть хозяин".

Смотрят. Дальше слушают.

"Слышишь, Ваня, а кто это хрумкает?"

"А это, Данилушко, птица коростель прилетел. Сидит на дереве, шишки ест, шелуху выплевывает."

"Это что ж - серенький такой? С кулачок?"

"Нет, Данилушко, коростель - он бурый. Да и размером - ну не со свинью, но с полсвиньи точно будет. Французская птица".

"Как так, брат Иван, французская?"

"Он, Данилушко, к нам в лес из города Парижу гость. Живет он там на главной улице, свил гнездо на дереве Крокет. Ходят внизу под деревом тамошние жандармы, охраняют гнездо. А как листочки полезут, так он выберет ночку потемней и поминай как звали. А

в газетах пишут - опять, дескать, ле коростель изволил нас покинуть. И разъезжаются ихние академики со своими приборами по разным странам, ищут уникальную птицу. А невдомек, что он лесочком да перелеском, тут под кустиком заночует, там в дупло схоронится - и к нам в лес. Тут ему летом и раздолье".

"А потом он, брат Ваня, как же?"

"А как, Данилушко, дожди пойдут, так он заплачет горькими слезами и обратно к себе на дерево Крокет. И несладко ему там, да здоровье его даром что с полсвињи - хлипкое. И сидит себе до следующей весны на дереве Крокет, кушает булки и смотрит сны, как обратно к нам прилетит".

Задумается Данило о судьбе французской птицы, думает-думает, глядишь и задремлет. А Иван сидит себе; и вроде не смотрит, а все видит; и вроде не слушает, а все слышит. Вот пичуга ночная цыркнула - Иван знает, какая и почему. Вот хозяин фыркнул - старый пень увидел, гнилушки светятся, а он к ним примеривается, зачем, дескать. Вот ветерок дунул - и вроде бы ерунда такая, так - движение воздуха, - а Иван сидит и ухмыляется про себя; знает, что просто так ничего не бывает. Так и сидит, пока звезды не начнут меркнуть. Посидит еще, и Даниле - тихонько, на ухо:

"Вставай, Данилушко, пойдём-ка по грибы".

Не стало больше в доме места, некуда Даниле новые монплезиры класть.

Порешили построить длинный сарай, чтобы каждую штучку - на гвоздик, каждую фитюлечку - на полочку, а что посерьезнее - так и шкаф с окошками сладить.

Выходит спозаранку Иван из дому, топор в руки и - знай наших. Даниле во сне все слышится - тук да тук, а что за тук - непонятно. "Погоди, кричит, - подсоблю". Пока штаны натягивал да кусок хлеба в рот засунул, выбегает - а уж две трети сарая во дворе. Едва успел -

приделал крышу, да зато так ловко, как будто сама выросла.

Сели во дворе под дерево, сидят - душенька довольна. Прилетела птица грач, поклевала крышу и улетела не солоно хлебавши. После обеда начали перетаскивать монплезиры; не много, не мало - таскали два дня. Опять-таки хорошо - в доме просторнее, а в сарае каждая штучка на гвоздике, каждая фитюлечка на полочке, а что посерьезнее - стоит в шкапу с окошками. Один конец отгородили Даниле под рабочее дело - поставили столы да верстаки. Теперь есть куда и складывать всякое, есть и где наукой заниматься.

Пошли ночью спать. Легли, а за окошком - оба слышат - фук, фук. Данило даже к окошку подскочил, да только сарай из окошка плохо видно. А Иван с печки посмеивается. "Слышь, хозяин пришел посмотреть, что за хоромы стоят". - "Ну и как?" - "А ничего, Данилушко, посмотрит да и уйдет. Не его это ума дело, а проверить обязан".

Так почти до утра фукал и кряхтел. Но тронуть ничего не тронул: действительно, не его ума дело.

По примеру кума Родиона Данило отправился в странствие. Долго ли, коротко ли, а выходит Иван днем к роднику за водой - глядь, Данило по тропке шагает. Весь черный, глаза да зубы сверкают, довольный. Выпили с дороги чаю, рассказывает.

"Был, брат Иван, на севере. Там большие горы. Стоят прямо в море, море все льдом полыхает. Во льду полыньи, в них нерпы живут, сторожат морское дно. На морском дне у них стоит Антарктида, там морское золото и воробьиный камень. Если кто этот камень настоит на теплой воде, то два года ничего не будет пить и начнет говорить по-птичьи.

Если от гор повернуть направо, то придешь в пустыню, за пустыней горелый лес. Там человеку делать нечего. А если налево идти, то сначала тоже

пустыня, но немножко, а потом стоит электростанция. На электростанции в будке живет монтер, ну вот как мы с тобой, но совсем один. Он через это и говорит плохо, но если попривыкнет, то все понимает. Я у него пожил немного, а он меня учил, как строить машину".

"А что за машину, Данилушко?"

"А, говорит, самую главную на текущий момент машину. Называется Яблочная Машина Дарья".

Данило мешок развязывает и вынимает картонку, а там закорючки да буквочки. "Вот, брат Иван, всю монтерскую премудрость я тут для памяти обозначил, так что мы столы да верстаки не зря в сарае прилаживали. Построим и мы Яблочную Машину Дарья".

Сказано - сделано.

Висит над столом бумага с монтерской премудростью, лежат некоторые приспособления. Даниле, ему виднее, как Машину изготавливать, а по кустарной части Иван всегда поможет, если надо. Делается Яблочная Машина Дарья в сарае у Ивана с Данилой, а как дойдет до победного конца, то и мы с вами это дело заметим.

Только солнышко с глаз долой, сидят Иван с Данилой в избе, гоняют чай да слушают из граммофона последние известия. Стук в дверь. "Так что же, заходи, коли хороший человек".

Заходит. Пегий весь, в поддевке с ремешками да пуговицами, но лицо благообразное. Поставил саквояж у печки: "Здравствуйте, хозяйева, я турист". - "И ладно, турист так турист, садись с нами чай пить".

Сидит, пьет, зыркает глазами. "Не боязно, говорит, в такой глухомотине одним?" - "А чего нам, мил человек, бояться. Здесь у нас тихо, радостно. Зверь дурного не скажет, а человек не дойдет; а коли дойдет, так уж видно не просто так".

Призадумался.

"А как тут у вас, говорит, производится гомеопатия?"

Данило - на Ивана, Иван - на Данилу: "Что за гомеопатия?"

А тот смеется, этак диковато.

"Гомеопатия, говорит, такое устройство для сугрева и чтоб захорошело. Опять-таки уничтожает микроба". - "Да мы, человек хороший, и так в тепле, в хороше. А что до микроба, так он свою службу держит, мы свою, у нас мир да совет. Не за што нам его бить".

Турист покашливать начинает.

"А что, говорит, за служба у вас такая?"

"А такая, милоч, и служба, что грибы чаем, орехи сохраняем, всякие травки в чай кладем, листочкам да корешкам счет ведем. Придет лось, расскажет что вкривь, что вкось; прибежит белка, расскажет, где мелко. Прискачет мангуста, скажет - что-то в лесу пусто; выйдем на полянку, выкопаем ямку, было пусто, теперь станет густо. Подует ветер, расскажет, что есть на свете; журчит река, несет вести издалека. А мы кашу едим, друг на друга глядим, если где что не так - кидаем пятак, твой черед идти восстанавливать".

А Данило встанет: а еще, дескать, Яблочную Машину Дарья строим.

Глядят на туриста, а турист уж кривулем пошел. Какая-то машина Дарья?

"Как же какая? Построим, будет себе работать. А работа у ней простая - что в мире не так, поправлять себе потихонечку. Да что говорить, вон в сарае стоит, выдь поглянь".

А из туриста уж жерди столбом полезли.

"Где, говорит, ваш сарай?" - и смотрит, как ерш на сковородке. - "Да вон, во дворе". Он - к двери, открыл, да и замер, как вкопанный. "Кто это там у вас по двору кренделями ходит?" Иван в окошко смотрит. "Глянько-то, Данилушко, никогда не видал - хозяин вприсядку

пляшет". Данило с лавки прыг - и точно. "Ну, Ваня, дела. Никак, Яблочная Машина Дарья работать зачинает".

Взялись за руки и - без всякого грамофонта - пошли плясать по всей избе. От радости даже про гостя забыли. А тот стоит, лбом в притолоку уперся и мычит что-то. Долго мычал. Потом к Даниле с Иваном повернулся, в ноги поклонился.

"Простите, говорит, не знал вашей силушки".

"Да какая, турист, у нас силушка. Вот земля стоит, вот ветер дует, вот ручей журчит, вот огонь горит. А наша служба - сердце к этому приложить. Приложишь и слышишь - надо, брат Ваня, помочь. А отчего не помочь, раз руки есть. Начнешь делать, смотришь - а тебе все, что на свете есть, на свой манер подсоблять начнет. Так и живем - вместе".

Другой раз идет Данило с добычей к дому. А только-только первые листочки желтеть начинали, солнышко к вечеру клонится, благодать. Дорога тихая; а мешок тяжеленный - как раз на зиму новые валенки с галошами.

Умаялся, сел спиной к дереву, глаза прикрыл - отдыхает. Сидел, сидел - вдруг чувствует: не один я тут сижу. Раскрыл тихонько один глаз ничего. Дорога, кустики, солнышко вечернее. Раскрыл тихонько другой ничего. А все равно - не один, хоть ты тресни.

Потом видит - сбоку в кустиках то ли тени морочат, то ли марево какое. Ждет, не шелохнется. Долго ждет. Постепенно тени складываются так, будто сидит кто. То ли зверь, а только ближе к человеку, только маленькому, с булку. Да и то сказать - вроде человек, а вроде и нет, так, не пойми что. "Кто же такой?" - думает про себя Данило. А в голове словно шепчет кто-то, но без звука - Сван.

"Ишь ты, - думает Данило, - Сван. Что за Сван? А вот так... Сван - и все тут".

А сидят все неподвижно. Данило сидит и человек тоже. То есть - вроде человек.

"Сван, - думает Данило. - Сван... Откуда такой Сван?" - А на это ему - никакого шепота, а представляется вдруг, как будто что-то давным-давно. И что - непонятно, но уж так давно, что душу захлаживает. И так печально становится, как будто ни головы, ни тела, ни дома, ни крова, а только - долго, долго... И словно бы что-то и было, но так давно, что уж и неважно, было или нет; и уже не одиноко, а вообще как будто и нет никого. Одна видимость, пустая игра света. Даже и слова такого нет.

Сидит Данило, и словно бы и его нет, легкий-легкий стал. Чувствует запах дыма от печки, чувствует, как солнышко на листочках играет, как Иван шти варит, как Машина Дарья в сарае стоит, яблоками из того угла пахнет. И все у него этак складно получается - и он тут, и Сван, и дым из трубы.

Потом все прошло. Сидит он опять у дерева на пустой дороге, солнце село, до дома рукой подать.

Пришел домой. Иван и вправду шти варит.

"Вот, Ваня, такое дело примнилось..."

"А и не примнилось вовсе, Данилушко. Есть такое, да только названия ему никакого нет. А что встретил его - хорошо. В природе - оно все к какой-нибудь пользе сложено".

Был и другой случай. Вышел ночью Данило из избы, сделал свои дела и пошел поглядеть - что и где. Затаился под елкой, смотрит - как луна светит. А на другом конце поляны вдруг будто идет кто-то, беззвучно, качается. Длинный-длинный и голову на грудь свесил, как верблюд. Прошел и ничего, как и не было его. Даже Ивану забыл поутру рассказать, только через месяц вспомнил.

А еще раз сидит в доме один, вдруг слышит: "Фея Внутреннего Гуся". И все. Ничего не понял, решил, что

примере щилось.

Если хорошо поискать, то и до сих пор можно найти в мире древнюю вещь.

Иван пошел далеко за омуты и раскопал одну - нечаянно - под холмом. Соскоблил землю как мог, ухватил за бок и домой. Поставил на лавку под дерево, ждет, чтобы Данило пришел, объяснил ему про находку.

Пришел Данило с мешком, поставил было наземь, видит - Иван сидит, как новый чайник, на лавку пальцем кажет.

"Вот, Данилушко, и я монплефир нашел". - Поглядел Данило и тоже сел. Так и сидят молча. Потом Данило встал, походил вокруг. Послюнявил палец, потер сбоку, скovyрнул грязи комочек.

"Знаешь, брат Ваня, не видал я такого никогда. Давай, что ли, в ручье помоем". - Отмыли с нее солидно земли, опять принесли, поставили. Стоит себе. Данило с одного боку подберется, с другого - не понять. А то, как художник, к крыльцу отойдет, сощурится, голову откинет и пальцами в воздухе шевелит. А Иван присел на корточки и головой вертит: то на вещь, то на Данилу.

Уж вечер близится.

"Знаешь, Ваня, не понять никак".

"Оставим-ка тут ее на ночь. Утро вечера мудренее".

Оставили, пошли в избу кашу есть. Потом за чай сели - а все беспокойно. То один, то другой исподволь норовя в окошко заглянуть - как там.

А на дворе темно. Ничего не видно.

Легли спать. Не спится. Ворочаются. Данило терпел-терпел, не выдержал, говорит: "Интересно, как там она?" А Иван - с лавки: "Да вот и я, Данилушко, думаю..."

Запалили лампу, выходят. Из-под дерева кто-то фырк - и за угол. Хозяин, значит, тоже засурьезнился про вещь. А сама она стоит себе на лавке, никакого виду не подает. Интеллигентный предмет, хотя и непонятно что.

Так всю ночь и маялись. Утром выходят - а в природе такая благодать, как будто все часы встали и радио выключилось. Травиночка стоит к травиночке, лепесточек к лепесточку, как на подбор, каждая росинка брильянтом лежит, ветер на деревьях листочками шепчет. Солнышко сквозь зеленые веточки светит, и слова такого нет, чтобы сказать про это, да и незачем.

А среди прочего стоит на лавке древняя вещь, да и что, собственно? Хорошо стоит.

Чтобы лавку не занимать, Иван из леса пенечек сухой оттягал, отпилил ровнехонько. Стоит теперь вещь у входа в сарай, ну чисто как в музее.

Снится Ивану, что он вовсе не Иван, а капитан Семипалатинский, и держит в доме круговую оборону. Выкопал окопы, траншеи, рвы, настроил полный двор брустверов с надолбами; куда ни плюнь - то землянка, то дзот. Обложился ядерными арбалетами, постреливает по елкам. А в елках кум Родион хоронится, тоже бастионов понатесал, осадных башен, и знай себе атакует подъемный мост. И вовсе он не кум при этом, а восставший герцог Родион. Подъемный мост-то ладно, его Ричард Второй шесть лет назад тоже атаковал, укатил себе с носом домой, в Тауэр, а вот огород, где картошка действительно слабое звено в обороне. Конечно, там давно не картошка, а прыгающие мины, но стена в этом месте - чисто видимость, а угловая башня, даром что из камня, за два века горела одиннадцать раз.

Мучается Иван такими мыслями, входят тут в избу герольды и провозглашают:

"Король Замка Колесницы!"

Иван думает - с каких-таких пор в Замке Колесницы король, и где королева? - в это время заходит в избу Данило, мантию - на лавку, и говорит:

"Сэру брату Ивану Белая Дама Острова шлет приветствия и просит передать дар - новые валенки с галошами к наступающей зиме."

Естественно, по такому поводу пир на весь мир, съезжаются принцы и чемпионы со всей области, - турнир, головы летят, как капуста, вечером в ворота стучатся барды и услаждают слух. И видит Иван, что безо всякой причины все вокруг начинают засыпать, чувствует, что самого под стол тянет. Это, натурально, бунтовщик Родион со своими друидами замаскировался под бардов. Летает сам собой по избе меч, поражает спящих принцев и чемпионов, а Иван и встать не может. Короче, отрубил Родион ему голову, поставил на пенечек у сарая, стало место заколдованным. Стоит Иван на пеньке и думает думу.

А наследник Ивана продолжает правое дело, лес весь сжег, друидов отравил портвейном и нанес герцогу Родиону в чистом поле сокрушительную победу. Остался Родион один-одинешенек, вскочил на белого коня, пронесся как ветер по полю, запрыгнул на подъемный мост, пролетел над огородом с минами и богатырским ударом вонзил копье в угол избы. Загорелась изба как порох, остались одни валенки с галошами. Стоит голова Ивана, думает: "Хорошие валенки, да не в пору они голове".

И еще думает: "Как же это мы вдруг с кумом так все устроили, что ничего не осталось, одни рытвины и пепелища?"

Летит мимо ворон, говорит голосом туриста: "Это-то дело понятное, вот как вы раньше жили - это тайна глубокая". - В дым черный преобразился, по ветру рассеялся.

И другой кто-то - то ли сзади, то ли непонятно откуда - шепчет так печально: "Было, было все это, так и было..."

И затих.

Один ветер свищет, пыль ворошит. Стоит голова Ивана в чистом поле, над ней звезды вращаются, картины показывают, как все есть, как будет и как было. Слезы из глаз мертвых катятся - неужто это и все, что в мире есть?

Долго так стояла голова, вот уж и звезды погасли, затихло все. Начинает небо светлеть. И видит Иван - идет кто-то по полю, а там, где прошел, - травы зеленые встают.

Подходит ближе - мать честная, так это ж Данилушко. Данилушко, да не тот - как в ручье холодном отмытый, глаза ясные, идет - легче воздуха и смеется.

Подошел еще ближе, говорит: "Что, брат Иван, насмотрелся снов, хочешь еще или проснешься?" - Иван хочет головой кивнуть, во рту все пересохло а не может, шеи нет. Набычился весь и проснулся.

Свет в избе утренний, такой ласковый - душа наружу белыми слезами рвется. Сел Иван рывком на лавку, одеяло сбросил - и настоящими слезами заплакал - от счастья, что живой. А тут и Данило входит, с котлом каши: "Вот, брат Ваня, каши сварил. Вставай, есть будем."

Иван на лавке сидит, головой трясет, слезами обливается - сказать ничего не может. Но так все хорошо, что дальше - некуда.

"Спасибо тебе, Данилушко, давай кашку есть."

Нет такого закона, чтобы в природе чего-либо не было.

Хочет Данило выйти ночью на полянку, глядь - занята. Сидит на самой середке кто-то, сразу не разобрать. Присмотрелся - хозяин сидит, видно, что делом каким-то занят, не шелохнется. Разобрало Данилу любопытство, что за дело такое у хозяина. Пошел к избе, кличет Ивана.

"Брат Ваня, или спишь?"

"Не сплю, Данилушко, на крылечке сижу, в звездах картины наблюдаю".

"Сходи со мной, брат, разъясни явление природы".

Приходят к поляне, смотрят из-за кусточков.

"Никакого, Данилушко, в этом секрета нет. Хозяин Шотландию слушает.

"Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Шотландию?"

"А то как же. У людей вишь сколько аппарату выстроено - телевизор, да граммофон, и автомобиль всякая в доме стоит. А хозяин - что же, лыком шит? Ему станет интересно - что где; он по лесу пустится, все свои нервы, как корешки, выпустит, ходит-ходит, глядь - вот она, Шотландия, происходит. Он сядет и слушает всякое."

"А что же он, брат Иван, слышит?"

"А это, Данилушко, Шотландия сама поворачивается, и каким боком повернется, то ему и слышно. А что слышно, то не в нашем разумении, потому что мы люди, а он хозяин".

Данило после этого как заболел. Ходит сам не свой, глаза туманные, шепчет про себя. Встанет посреди полянки, пальцы растопырит и качается. Ходил, ходил, признается:

"Не перемочь мне себя, брат Ваня. Как ты тогда про Шотландию рассказывал, так у меня внутри как захолонуло что-то. Хожу на полянку, стою пень пнем - не слышно Шотландии, хоть кол на голове теши."

Развел Иван руками - а сам смеется:

"Никогда, Данилушко, такого не слыхивал, чтобы людям Шотландия показывалась. А с другой стороны - нету такого закона, чтобы того не было. Только ты, видать, не дослушал меня в тот раз. Хозяин - он же ходит каждый раз, ловит чувствами тайный знак лесной - тут дескать... А ты - ты на полянке выстроишься, руки в стороны и бормочешь - приходи ко мне, Шотландия, вот он я. А она бы и рада; но не может прийти, куда мы

с тобой пожелаем, а то бы называлась не Шотландия, а радио, и в уши бы всем жужжала со стенки. А ведь она - из всеобщего равновесия проистекает: где былиночка с веточкой сложатся, ветерок между ними дует, да солнышко с луной лучиком припечатают - там и Шотландия выходит, садись себе, слушай..."

Задумался Данило пуще прежнего, но с лица более не спадает, ходит обнадежился. И ходил он так незнамо сколько, а только раз приходит днем Иван как раз тогда грядку вскапывал - и говорит, спокойный такой:

"Знаешь, Ваня, а ведь ты всю правду тогда мне подсказал. Не приходит Шотландия когда хочешь, а приходит, когда внутри замолчишь и чайть не чаешь."

А Иван уж про это и думать забыл.

"Как, Данилушко, неужто Шотландию услышал?"

"И услышал, брат Ваня, и увидел, и знаю теперь, как она по лесу ходит, слово носит, подставляй уши да глаза, кто про себя думать забыл".

С той поры еще складнее пошло. Встретит Данило Шотландию, придет умудренный. Часть Ивану расскажет - что в слова помещается, часть на деревья проглядит, часть на строительство Машины Дарья употребит. А Иван радуется - еще один кончик с кончиком сошелся, еще одна ниточка завязалась; потому как нет такого закона, чтобы в природе чего-либо не было.

"Одного я, брат Ваня, в толк взять не могу. Вон турист давешний - в глухомотине, говорит, живете. А я с мешочком из дома выйду, устать не успею - глядь, у кума Родиона окажусь, а то к дороге какой выйду или деревня передо мной встанет. Полдня похожу, только подумаю - как там Ваня, - а под ноги уж тропочка ложится. Не успеет мешок спину нагнуть, а уж дым из трубы виден. Разве ж это глухомотина?"

"А ты бы, Данилушко, у него спросил. Ведь он-то сюда - то ли день шел, то ли год - сам не вспомнит, семь

потов сошло, полные карманы сучков. Назад воротится, скажет на работе своей - не было такого, примерещилась мне изба в лесу. И сам себя убедит.

А все потому, что не глазами смотрит, а иллюстрацию внутри себя наблюдает. Покажи ему куст - пока в книжке название не прочитает - не заметит. И идет это не по шерстке, а супротив, через пень-колоду, с сучка на задоринку, каждый метр с бою берет. Пока борется - ни на что не смотрит; кончит бороться - а уж все прошло.

А ты, Данилушко, за порог шагнешь - и идешь себе, радуешься. Подойдешь к дереву, смотришь - родное какое-то, хоть и малознакомое. Само собой, с родни паспорт не спросишь. Раз ты к нему по-семейному, то и оно тебе поперек дороги не встанет. Поэтому - где ему неделю поперек на тракторе, тебе - два шага шагнуть, да еще все веточки расправишь по дороге.

К нам природа открытой книгой стоит, манит да ласкает; а он к ней с переплету подошел, а что с лица зайти надо, так ему невдомек, он переплет зубами раздирает, на иголки да скрепки натывается, сухой клей ест.

Так и во всем."

Можно поглядеть на это дело с другой стороны. Рассмотрим положение Ивана с Данилой во времени.

Летом у них лето. Зимой идет снег и холодно, хотя в избе жарче, чем летом - из-за печки. На этом их положение во времени совершенно исчерпывается.

Рассмотрим их положение в пространстве. Утром Данило выходит из дома, идет по тропке и попадает в село Семихатки. В другое утро пойдет по той же тропке, но свернет, где ему понравится, и вскоре до кума Родиона дойдет, принесет ему, например, орехов. А может и по-другому дойти до кума Родиона, раз на раз не приходится. А может и еще куда-нибудь прийти,

ну как Бог на душу положит. И ведь непременно не просто так, а обязательно с какой-либо пользой.

Совершенно ненаучное положение в пространстве.

При этом реальность Ивана и Данилы совершенно не подлежит сомнению. Стоит дерево, а мимо него проходит Иван с мешком золы - несет удобрять огород. Никакой мистики.

А день такой неподвижный, воздух как бы застыл, небо низкое и серое. Время от времени принимается накрапывать дождь, но скоро перестает. Данило сидит в сарае и мучается духом, глядя на частично построенную Машину Дарья. Не знает, как строить дальше. Возьмет одно, прикинет - не то; ухватит другое - не то. А внутри у него каждая ниточка ноет - строй, Данилушко, ну строй; ни о чем другом и помыслить не может, сидит - хоть плачь.

Темно в сарае. Дождик по крыше серым паучком бегаёт. Положил от невозможности голову на верстак, да вдруг его как манить куда начинает. Будто проседает что-то внутри, будто глиняную стену водой смыло. И сухой такой старый голос без единого словечка разъясняет, что к чему приложено, как разные колесики друг против друга поворачиваются. И прямым путем из этого выходит то, отчего Данило мучился.

Прошло все. Данило сидит как пустой внутри, а в пустоте этой как будто небо устроено, и в нем высоко-высоко птица иногда пролетит. Сидит долго, ждет, пока опять оживет. Хорошо ему, Даниле; было бы нам иногда так хорошо.

А вечером с Иваном сидит, на радостях чай на семи травах заварили, в избе как цветы цветут. Данила говорит: "Может, то Сван этот приходил..." "Да что, Данилушко, голову ломаешь. Если в теплом доме дверочку приоткрыть, так любая зверушка зайти погреться готова. Глядишь, не мешаешь ей, а она тебя

своему разумению учит понемногу. И выходит ко всеобщему теплу и пользе."

Данило сидит, ухом со всем согласен, а мыслью все ощупывает, как ладно новое колесико со старыми сопрягается, и радость у него внутренняя как лампочка светится, как печь согревает. А за окошком деревья под мокрым ветром клонятся, темень хоть глаз выколи. Вышел на крылечко, сладким воздухом ночным дышит.

И налицо полное согласие между ним и окружающей его действительностью.

Совершенно ненаучная ситуация, а ему и дела нет. Постоит еще немного и пойдет спать.

2

По небу с ужасной скоростью летит вертолет. В вертолете сидит наблюдатель и записывает разные частности в жизни, расположенной в лесу. Например, видит избу и пишет: "В лесу стоит изба. Из трубы идет дым."

Полетел дальше. Потом говорит пилоту: "Уважаемый пилот! Остановите машину, давайте в научных целях вернемся немного назад".

Пролетели над избой еще раз, пониже. Наблюдатель подумал и приписал еще: "Пахнет кашей."

И умчался.

Такова первая часть истории.

Вот и вторая.

Данило одно время увлекся созерцанием облаков, разобрав в их передвижении отражение универсального гармонического закона. Этак выйдет из избы, увидит ненароком облако - и такое с ним делаться начинает: то в обморок упадет, то подпрыгивает, руками машет. А то тихо так, блаженно ляжет и лежит дотемна, в небо глядит.

Иван ему каши поднесет: "Поешь, Данилушко..." А тот только головой пошевелит - дескать, никак, брат Иван, не могу от созерцания сего величия оторваться.

Но Иван уж знает, кашку оставит и уйдет себе спокойно по дрова или куда еще. Вернется - кашка съедена, Данило с новыми силами лежит, в облака вперившись, постигает гармонический закон.

Вот однажды лежит он таким макаром, а Иван под деревом на лавке какую-то деревяшку рассматривает на предмет полезности да за Данилу радуется. Вдруг - стук, треск, идет кто-то, кусты раздвигает; весь зарос густой бородой и лежит на лице у него печать удивления. Данило обалдел от такой картины, даже от облаков отвлекся, Ивану головой показывает - мол, Ваня, кто бы это к нам? А Иван - палец к губам: "Тсс, не тревожь..."

А тот идет прямо на них, но такое в нем удивление, что и не видит их, а все вокруг, раскрыв рот, озирается. Так между ними и прошел, ни дома не увидал, ни Ивана, ни Данилы. Уперся лбом в угол сарая, обошел, бормоча, и дальше пошел. Как будто стояла тут его собственная квартира, а вместо нее вдруг - лес огромный, ни конца, ни края; вроде и страшно, но уж так в этом лесу хорошо, что не знаешь, что и сказать.

А Иван говорит: "Это человек просыпается". И долго ему вслед смотрели; Данило совсем про облака забыл, встал, пошел картошку чистить.

Такова вторая часть истории.

А третью кум Родион рассказал.

"Приходит, говорит, ко мне на днях старец. То есть поначалу - старец, потом-то я присмотрелся. Бородища по пояс, глаза веселые.

"Здравствуй, говорит, уважаемый, не знаю имени-отчества, помоги мне советом".

"Выкладывай, говорю".

"Ты, говорит, на полдороге живешь, раз уж я мимо тебя шел, но тогда увидеть не мог, теперь вот иду обратно".

"Ну раз так, говорю, погоди с советами, садись вот, пей чай, а я тебе поесть соберу".

И оставил его у себя на недельку - чтобы отошел человек.

А он рассказывает: "Я раньше был ученый, летал над разной жизнью в скрипучей машине, все записывал. Хотелось мне все вписать в таблицу и такую вывести формулу, чтобы у всех всего хватало. Всю жизнь над этим бился. Ничего не выходит. Открыл попутно, как топоры лунным светом затачивать, дали мне медаль и весь лес бесплатно порубили, который вокруг был. Открыл, как из рыбы делать колбасу, всю рыбу на колбасу извели, не стало ни рыбы, ни колбасы. Хожу с двумя медалями, людям в глаза не смотрю. Открыл, как людей на расстояние передавать, чтобы ты здесь сидишь, а там ходишь, смотришь. Пожали руку, дали орден, а потом людей всех куда-то попрятали, оставили одну видимость; все ходят, присматривают себе чего-то, а словом ни с кем не перемолвишься. Совсем тошно стало. Через то и сделался академиком.

И вот лечу однажды над лесом, где по схеме моей ничего нет, а там изба и кашей пахнет. Я все записал, натурально приезжаю в свою академию и делаю доклад. А мне и говорят - что ж ты, академик, сядя твоя голова, по этим координатам не то что избы, а и леса никакого давно нет, весь твоими же топорами срублен. Остался примерный лесной уголок из пластмассы, на память грядущим поколениям. Хотели на пенсию списать. Тогда я говорю: я вам опытом докажу. И пошел туда один, чтобы честь науки своим телом спасти. До леса дошел, вошел и вижу - ошибка у них вышла. Не лес пластмассовый, а я был пластмассовый. И пошел внутрь. А он огромный, как будто нет в нем никакой географии. Так с тех пор и хожу.

Поначалу страшно было, думал - умру тут один - и не жалел, радовался, что хоть воздуха свежего напоследок глотнул. Потом начал в себя приходить, поздоровел, волосы вот расти начали, руки-ноги на место встали. Ну и вообще."

"Так куда ж ты опять возвращаешься?"

Он серьезно так на меня глянул и говорит: "А что я тебе рассказывал сейчас, помнишь - про деревья, да про рыбу, да про видимость? Кто же это все на место ставить будет - Пушкин с Ильей Муромцем? Нет, дорогой Родион Иванович, они свое сделали, теперь наш черед. А еще, пока по лесу ходил, понял, какой в мире есть закон. И таков он, что словами его не напишешь, цифрами не сосчитаешь. Но если сердцем и руками - то весь как есть исполняется. И хочу я теперь это знание применить. Что на это, Родион Иванович, скажешь?"

А и что тут сказать? Поклонился я ему в ножки и орехов с медом на дорогу дал. Говорю еще напоследок - не страшно, академик, обратно в город идти? А он смеется - был я академиком, было страшно. Теперь человеком стал, и нормально. А совет будет нужен - еще к тебе приду. А дорогу, говорю, найдешь, или план-карту дать? Он еще пуще смеется - все испытываешь, Родион Иванович? Знаю я хорошо, что нет такого плана-карты, по которой к тебе доходят. Одна есть, но ее и рисовать не надо, сама в сердце стучит. Вскинул он котомку на плечи, обнял, как медведь, на прощание и зашагал. Думаю, дойдет".

После рассказа этого долго они втроем молчали, каждый про себя улыбался.

Данило вечером говорит: "Может, брат Ваня, это он Машину нашу Дарью душой почувял?" - "Может и так, Данилушко. Одно ясно - теперь у него своя яблочная машина в сердце работает. Так что дело идет на поправку."

Вечер. Сидят Иван с Данилой посреди избы, разбирают мешок. Радуются оба - Иван штучкам новым рад: одни поют, другие в хозяйстве полезны, третьи смешные очень; а Данило рад, что Иван радуется. А еще рад, что с важностью может Ивану объяснить, что за вещи, откуда и почему. А главное, что все эти штучки ему еще больше, чем Ивану, нравятся, хоть они для жизни и не нужны. Но рассуждает так - раз люди сделали, то не может быть, чтобы зря. Вот они у нас полежат, может, цель свою и обнаружат.

"Вот, брат Иван, бутылка, а в ней заморская вода для поливки жареной картошки".

"Да неужто? А ну, польем".

Поливают. Вода коричневая, с картошкой вкусно выходит.

"Нужно будет нам, Ваня, воду эту понять, наверняка и у нас такая есть."

"А как съедим с ней картошки пуд, Данилушко, так, может, и пойдем."

Мешок еще не пустой.

"А вот, брат Иван, колокольное дерево".

"Красивая вещь, Данилушко".

А вещь и вправду красивая. Поднимешь ее - и как стоя в воздухе повисает, только не птиц, а малюсеньких таких колокольчиков, и все по-разному тихонечко звенят.

Поднял ее Данило, сидят оба, слушают. Ну, что тут говорить.

"Спасибо, Данило".

Хотели ее сразу же приспособить, да в мешке что-то еще есть.

"Чувствую, Данилушко, сурьезное что-то у тебя".

Данило виновато так улыбается, поглядывает на Ивана.

"Есть грех, Ваня, еще одну галантерею принес".

"Как, Данилушко, еще одну?"

А был такой случай, что приносит тоже Данило из города вещь - яркая, разноцветная, аж глаза слепит. "Это, говорит, нам галантерея". - "Что за галантерея?" - "Сам не знаю, написано - чтобы в избе хорошо пахло". - "Да вроде и так неплохо, но раз принес, давай пробовать."

Нажал Данило кнопку, она зашипит как змея и цельную избу тумана напустила, да такого едкого, что насилу на воздух выбежали. Трое суток в дом не зайти было, вот тебе и галантерея.

"Так, говоришь, еще одну галантерею? Что же мы с ней делать-то будем, а, Данилушко?"

"Это, брат Иван, галантерея другого склада. Мне ее отдали, говорят только ты с ней справиться можешь, разобраться в ейной сути."

"Ну, это другое дело, Данилушко, кажи свою галантерею."

Достают. Эта тоже блестит, но как бы подледно, циферки разные просвечивают, буквы, виды заморские да лица бледные, усмеваются, зубы кажут.

"Может, мы ее, Данилушко, сразу на двор вынесем пробовать? Тоже ведь каверзная вещь, сразу видно".

Вынесли на двор. Вертели и так, и сяк, битый час на все углы нажимали - не выдает своего галантерейного нутра, только циферки зеленым светятся, ехидно так подмаргивают.

"Может, в ней, Данилушко, завод вышел?"

"Ох, Ванюша, сам понять не могу, а только сердце екает."

Еще повертели, да уж темно стало, пошли чай допивать да ложиться спать. Галантерею, однако, с собой взяли, чтобы хозяину соблазна не вышло.

Легли спать и проспали полночи. Да вдруг как жахнет. Вскрикивают оба, чуть дурно не стало. В том углу, где галантерею расположили, дым разноцветный светится, а в нем полуголые мужики скачут, лица, как у

зебр, полосатые, гогочут жеребцами, визжат всяк на свой лад, и гром железный гремит. А один лупит себя кулаком в грудь, сам весь цепями обмотан и кричит отчаянно: "Я не я, и корова не моя!"

В общем, чистый конец света.

Данило обмер весь, пал с лавки ничком и пополз попластунски, как под пулеметным огнем, к печке, где Иван лежит, стал на колени и кричит: "Спасай, Ваня, я чертей к нам в избу принес!"

Ивану в первый момент спросонья тоже не по себе стало. Потом смекнул, что дело тут нечисто: скакать скачут, а стол не сворачивают. Он Даниле и говорит: "Данилушко, не горюй так, это не черти, а одна видимость; вот как кум Родион давеча про ученого рассказывал."

Успокоил Данилу, смотрят представление. Черти покричали-покричали, да назад в коробку и убрались. Опять тихо стало. Данило сидел-сидел, как плюнет:

"Одно слово - галантерея!"

"Да ведь ты сам, Данилушко, говорил - раз люди сделали, так не может быть, чтобы зря. Вот нам эта штука и случилась, чтоб мы поняли - зачем она в мире нужна".

На следующий день долго они с галантереей возились, но орешек крепкий. Не хотят черти из коробки вылезать. Пошли Иван с Данилой потом к вечеру - по грибы, вернулись поздно, про коробочку-то и забыли. Ночью опять просыпаются - крик, гвалт, черти по двору скачут. За голову схватились - а ну хозяина напугают, вдруг от удивления заболит. Бегом во двор, а на дворе прямо цирк. Черти под деревом выкобениваются, а у сарая хозяин на корточках сидит - смотрит. А потом как захохочет, повалился на землю, за живот держится. Кончили черти свой хоровод, хозяин ждет - еще хочет. А черти и носа не кажут. Тогда хозяин забурчал что-то себе под нос, сел к коробке и

начал там что-то шебуршать - глядь, и опять все зашумело, закричало. Он опять сидит, хохочет. И только черти устанут, он опять их из коробки выгоняет - пляшите, дескать. Потом коробку взял, и с довольным бурчанием поволок к себе в лес.

Переглянулись Иван с Данилой, и тоже довольные спать пошли. Нашлось и галантерее дело - хозяина веселить, да, верно, и не только хозяина, а всю лесную братию.

Лежат Иван с Данилой, засыпают, представляют себе - сидит сейчас на полянке разный лесной народ, а перед ним черти пляшут, как в театре. Потом Данило говорит:

"Иванушка, а Иванушка..."

"Что, Данилушко?"

"А вот я все думаю - как же ты совсем чертей этих не испугался? А вдруг бы они настоящие были?"

"Да нет, Данилушко, черти на самом деле все как один видимость. Мы им, если их испугаемся, сами силу даем. А не дать им силу - так они и есть одна галантерея."

Возвращается Иван из леса, видит - Данило сидит у дерева, смотрит вокруг и плачет.

"Что с тобой, Данилушко?"

Тот слезы стирает, улыбнуться хочет - не выходит.

"Не получится, Ваня, у меня об этом сказать, да ведь и ты все видишь. Стоят деревья вокруг, солнышко заходит - и не могу, плачу, душа из меня прочь рвется. И сам думаю - куда рвется? А вон, видишь, облака наверху белые какие, да как высоко - и такое у меня понимание, когда гляжу на них, что мы с домом родным разлучены; словно бы там мы должны быть, а не здесь. Да и есть мы, наверное, там, а здесь только часть наша ходит, как в командировке. А опушу глаза - деревья любимые стоят, трава растет, дом наш стоит - каждое бревнышко свое, каждую веточку на дереве, как

ребенка, готов на руках таскать, росой отпаивать - и как будто вот все оно, под руками - ан нет, отделено от нас и как будто обреченное какое, только ему до этого и дела нет, оно с этим званьем на свет выросло - а у меня внутри все переворачивается. А ведь красотища какая - век бы всю эту землю на руках носил, целовал да к сердцу прижимал; вот поверишь, нет, Ваня, умереть захотелось, самому в землю эту лечь, лишь бы только она через это живой осталась, от нас не отделенной, чтобы мы ее, как свое тело, чувствовали, а она - нас. А как вместе на все гляну - и небо тут, и земля, и я посередине сижу - то и вообще ни одного слова про это не выдуманно только слезы из глаз. И горе в этом себе чувствую неизведанное, и сладость в этом несказанная, тесно сердцу в теле моем, хочет оно со всем этим миром слиться и обнять его". Замолк Данило, слезы на щеках, руками виновато разводит, на Ивана, как на мать родную, смотрит с просьбой:

"Прости, Ваня, видишь - не сказать мне обо всем этом". Обнял Иван Данилу, к груди прижал - пусть плачет, надо ему. Стоят, а под ногами земля, вокруг деревья, а над ними небо. И нечего тут больше сказать.

А то вдруг приехали к Ивану с Данилой индийские йоги. Один ногу за ухо засунул, другой ходит узлом завязанный, третий сердце остановил и все время электрические лампочки жует. Остальные еще пуще; и все при этом в чалмах, голые и намазаны подсолнечным маслом.

Главному лет пятьдесят, носят за ним раскладушку, раскладушка вся гвоздями утыкана - так он, прежде чем сесть, по гвоздям пальцем проводит, чуть что не так - хлобысть слуге по лбу, зачем, дескать, дал гвоздю притупиться; и пока тот гвоздь обратно не заточат - ни за что не сядет.

Иван с Данилой тоже в грязь лицом не ударяют, быстро белую скатерть на стол, орешки разные да

ягодки - встречают зарубежных гостей.

Сели за стол, ведут умные беседы. "У нас, в Индии, главный рассказывает, все давно уже вышли в астрал. Редко кого на улице встретишь, да и те приезжие. Теперь выводим в астрал коров. Думаю, что к концу столетия вывод коров будет окончательно завершен. Тогда начнем новую жизнь".

А йоги все нагнулись над столом, пьют носом чай и кивают - все, дескать, так и есть.

"А еще, продолжает главный, есть у нас великая река Ганга. Мы у нее соединили начало с концом, теперь течет по кругу. Построили священную электростанцию с вечным двигателем. Теперь расставляем по всей стране магнитофоны, чтобы из-под каждого камня звучал магический слог Ом..."

Йоги как один продолжают носом хлебать чай, а ртом мычат - Ом, дескать.

"А еще, говорит главный, совершенно преодолели сопротивление материи. Можем вверх ногами проходить сквозь каменную стену..."

"А сквозь деревянную?" - спрашивает Данило.

"Запросто, говорит главный, где тут у вас стена?"

Показали им стену сарая, они вверх ногами сквозь нее прошли и исчезли - наверное, в астрал. Главный на прощание оставил визитную карточку с рабочим телефоном. На карточке написано

ГУРУ ШРИ МАХАБРАХМАН ЕВДОКИМ ПЕТРОВ.

Поглядели Иван с Данилой на карточку, пожалы плечами и отдали на всякий случай хозяину. Ему тут виднее.

Налетело на солнце облачко. Сделалось в природе пусто; то есть не пусто, а как бы затаенно. Деревья и трава - все свои секреты при себе держат.

Унеслось облачко. И снова все вокруг - полной чашей. И каждый секрет вдруг стал тем, чем всегда и был, - у каждого - своим, особенным голосом. И все эти

голоса вместе беззвучно поют о радости того, как мы все живем.

Сидит Иван на крылечке, и душой, и телом к этой радости причастен.

Данилы нет, Данило в город уехал. Был ему утром таинственный зов, собрал в мешочек понемногу всяких корешков целебных да орехов и ушел. Иван дрова поколот, по огороду походил, теперь просто сидит. Слушает музыку могучую - деревья под ветром шумят, солнышко кожей впитывает; со всем, что есть - заодно.

Сидел-сидел, слышит - шорох на полянке. А глаз сразу не открывает, знает, что можно спешкой всю полноту расплескать. А когда открыл - стоит перед крыльцом белый олень, смотрит на него пристально. Иван говорить не торопится, улыбается себе в бороду. И олень молчит. Долго они так молчали, потом олень говорит:

"А ты знаешь - что стоит у сарая на пне?"

"Не знаю, - говорит Иван. - Придет время знать - узнаю".

Олень опять на него смотрит. Долго молчал, потом говорит:

"Ты странный человек".

"Да почему странный, - говорит Иван. - Вот сижу на солнышке, жизни радуюсь, природу слушаю".

Олень отвел глаза, смотрит на лес.

"Другие за мной охотятся. А те, кто боится - уверяют себя, что меня нет."

Помолчал еще.

"Сказать тебе, когда ты умрешь?"

Иван мотает головой да все улыбается.

"Зачем? Живу - и живу. Когда надо будет - умру. А наперед знать баловство".

Сказал - и доволен. А олень на него опять смотрит. И Иван на оленя смотрит. Ветер почему-то стих, тихо вокруг стало, только кузнечики стрекочут как

сумасшедшие; и все вокруг от солнца как медом истекает.

Иван на оленя смотрит и вдруг говорит:

"Оленушка, а ведь ты устал очень".

Олень в глаза ему смотрит, не шевелится.

"А устал, то ложись спать. В лесу не можешь, так хоть здесь сосни. Место у нас тихое, никто тебя тут не приметит."

Олень в глаза Ивану смотрит и молчит. Потом прикрыл глаза, ноги медленно подогнул и так перед крыльцом и лег, голову опустил.

А Иван сидит и сон его охраняет. И пока олень спит, ни одна былиночка не шелохнется, ни один листик не качнется, и солнце с места не сходит. Перестало время идти, одни кузнечики стрекочут.

Вечером возвращается из города Данило, бежит - аж приплясывает, до того хочется поскорее Ивану рассказать, что с ним было. Так с ходу мимо дома и пролетел, за самый огород унесло. Он - обратно, глядь - опять на подходе к дому, да только с совсем другой стороны. И ведь дом прямо перед глазами стоит, а не подойти, все тропинка вбок куда-то уводит. Остановился Данило, потряс головой, чтобы от наваждения избавиться, слышит - Иван с крылечка тихонько смеется.

"Не торопись, Данилушко, у нас сегодня такой гость был, что вокруг избы вся экология дыбом встала".

От голоса иванова наваждение прошло, но Данило, чтобы и в третий раз не промахнуться, уж от тропки под ногами больше глаз не отрывает. Пока до Ивана дошел, уж и забыл - что про город рассказывать хотел. Бухнулся на траву у крылечка: "Что же, Ваня, за гость такой, что к дому не подойти?"

А Иван все посмеивается. Данило к нему повернулся - батюшки светы! Иван сидит и весь в сумерках

мерцает, как будто зимними звездочками по контуру обведен.

"Давний у нас, Данило, был гость, уж не чаял я его увидеть. В аккурат там и лежал, где ты сидишь".

Данило так и вскочил, как ошпаренный. Было на крыльцо - а там Иван мерцает; и Иван, а все равно каверзно.

"Ваня..." - говорит, а дальше и не вымолвить.

Набрал полную грудь воздуха: "А ты, что же, теперь по ночам светиться будешь?"

Иван руку поднял, поглядел на нее, как будто забыл, что у него руки есть, и опять тихонько засмеялся.

"Твоя правда, Данилушко, вот что значит с давними гостями дружбу вести".

А совсем поздно, когда уже все друг другу рассказали, сидят оба, да вдруг:

"Слышишь, Ваня?"

"Тс-с, Данилушко..."

Как будто - женское пение в лесу. И вот именно, что - как будто. То далеко, а то вдруг рядышком; то с этой стороны, то с той, а то сразу ото всюду. А главное - никогда такого еще не было, а голос этот с колыбели знаком. Да что - знаком; не сказать этого вообще, потому что это - Другое. Смотрит Данило, а у Ивана слезы на щеках. Смотрит, а сам не замечает, что встал, и ноги его прямехонько в лес несут. Так бы и пошел, если б Иван его за руку не взял.

Стоят, как дети за руки держатся.

"Вот, Данилушко, и мы до этого дожили".

Неведомо откуда пришло ко мне начало этой истории. Я, как умел, записал всю правду по этому поводу. Теперь картина отдаляется от меня, пора дописать то, что я еще вижу.

В лесу стоит лето. На бревнах, которые таскают Иван и Данило, от жары выступила смола. Бревна

постепенно складываются в небольшую, но уютную баню; скоро останется только сочинить крышу да позвать кума Родиона, который большой мастер по печкам. Вот и еще бревно притащили, Данило побежал в избу, должно быть, чайник поставить, а Иван присел на бревно и задумался. Потом поднимает голову и смотрит. А смотрит, надо сказать, в аккурат в то самое место, где бы я стоял, если б глазами это видел, а не словами нащупывал. И такое у него в лице впечатление, будто меня не видит, но знает, что я тут есть. И такие вдруг говорит слова:

"А что про нас пишешь - так это правильно. Потому как есть в писании твоём такое понятие, что раньше мы друг для друга прозрачные и несуществующие были, а теперь получаемся обоюдно хорошие. Значит соседями стали. А то кум Родион говорит - вот, пишет тут про вас один. Я ему неужели и до того дошло. А он мне - совсем, вижу, вы с Данилой в своих диковинных явлениях людей разучились замечать.

Вот будете завтра баньку строить, так ты глаза разуй да возьми на заметку. Смотрю сегодня - и правда. Прислушался - что ты там написал, и думаю - а что, ладно. А ежели не все складно, так тоже не беда, дерево, вон, тоже бывает поглядишь - корявое, а присмотришься - да разве ж оно может быть другое? Да и ты нас с Данилушкой прости, коли чего не так. Уж мы какие есть, такие и есть. Вы там, мы здесь, каждый мурашок свою соломинку тянет, а вместе - один дом получается, в котором все и живут потом.

А ты, глядишь, и другую книгу напишешь, и третью - и про огонь морской, как ты его видел, и про город этот, что олень давешний со мной поделился, а ты, я смотрю, давно знал... А если и не напишешь - тоже дело, может, про это писать и не надо, а надо душой строить, чай, сам потом будешь в нем по улицам ходить со зверем светящимся, а как про это словами? Так ли, иначе ли, - в

радость мне, что ты к нам зашел, приведет Бог - еще встретимся, погляжу хоть - какой ты статью будешь. Ну, не поминай лихом..."

И улыбается. Тут как раз Данило из избы выходит, говорит что-то Ивану, тот повернул голову - отвечает, да только что - мне уже не слышно.

Вот и все. Спасибо, что прочитали. А теперь, думаю, пора и за дело браться.